

* * *

Я всё помню деревню,
затерянную в болотах,
куда добираться верней
в сапогах-сороходах:
там в распутицу грязь заливаает
колеса тележки,
что цепляют за трактор,
и едут степенно, без спешки.
Зимой кочегарят буржуйки
и русские печи
и хлеба выпекают, и хворь
самогонкою лечат.
Основная страда – заготовить
дровишки и сено.
Вся деревня – родня,
если счет до седьмого колена.

А зимою сидят, в основном,
на картошке да сале,
и вкуснее соленых груздей
вряд ли где-то едали!
Огурцы здесь растут на горячих
соломистых грядках,
и в застолье сидят всей роднею,
такой уж порядок...
Из деревни тех лет только
пара подворий осталась,
а от прочих – уцелела
лишь самая малость:

хмель одичавший,
заросшие сплошь огороды,
трубы печные на фоне
цветущей природы...

Раз в году оживает деревня
от старческой спячки,
вновь слышны голоса, юный смех,
и машины в горячке.
Собирают людей не живые
тех мест могикане,
а могилы ушедших.

И бывшие односельчане
поминают усопших,
справляют привычную тризну.
Там бывала и я...
Как погода порою капризна:
дождь полил из ведра на родные
до боли покосы,
где встречали с тобой молодые
и звонкие росы...

МЕТАМОРФОЗЫ

Однажды вечером я вижу из окна...
гуся на лиственнице зимней.
На шее сытой хорошо видна
и ленточка, и бант атласный синий.

Под ветром шелк струился и сиял,
а гусь на дереве топтался и клевал.

Он был немного странен, этот гусь:
с меняющейся белизною тела,
которая внезапно вдруг густела,
все контуры надежно проявив,
вновь неожиданно редела,
чтоб любопытство к образу прикрыть...

Глаза смежив, я вижу тот же час
стада гусей, пасущихся на воле,
и зелень сочную, и гладь пруда...
А может статься, настает пора
заняться птицеводством на просторе?
И в том, как раз, разгадка существа?

Не все так просто! Острый ум храня,
я поняла, наверно, в чем проблема:
то бледный призрак бедного гуся
нам знаки подает несмело...
О чем же, скорбное дитя,
присев на ветку, хочешь нам поведать?

Надев очки, стою перед окном,
суровой правде заглядевшись в очи...
Я вижу ствол и лиственницы дом,
но нет на них среди ветвей и ночи
предмета размышлений –
статной птицы...

Лишь ветер треплет рваные страницы
с помойки полимерного хлама...

* * *

Глазами сердца, губ и рук
тебя я чувствую всечасно.
Морщинки скорбный полукруг
под пальцами читаю ясно.

Я знаю, что ты хочешь мне
сказать сейчас, минутой позже.
И, будучи наедине
с тобой, я становлюсь моложе.

Стекают с губ любви слова,
сливаясь в светлые потоки,
в них растворяется зола
обид взаимных и упреки.

И пишут новую главу
для нас с тобой снега и ветер;
зима с весною не в ладу...
нам остается ждать и верить.

* * *

Какую радостью разбужен
счастливый вид у детворы?
Идут и шлёпают по лужам,
непромокайками горды.

Глядят, как голуби у бака
усердно подбирают хлеб,

и как дворовая собака
глядит с тоскою на обед.

Вот шар красивый краснобокий
застрял между густых ветвей,
и дяденька, совсем высокий,
помог достать его скорей...

О, как мудры мы в детстве были!
Обиды долго не храня,
мы берегли сердца от пыли,
любя, ликуя и браня.

Нам слово «завтра» было скучным,
весёлыми – «сейчас» и «здесь»...
Быть может, в этом, ненаучном,
и объяснение счастья есть

ПЕРВОКУРСНИЦА

Прогуляв до поздней ночи,
ляжешь спать.
Утром ранним, как обычно,
трудно встать.
В переполненном трамвае
места нет.
А в кармане лёгкой куртки –
горсть монет.
С рюкзаком ты примостишься
у дверей.
Со ступенек на платформу –
поскорей!
Обезьянка на цепочке –
в пыль и гам –
бойко скачет за спиною
в такт шагам...
Вместо лектора на паре
видишь сон.
И в улыбке и во взглядах –
только он.
Незнакомых ощущений
бьёт волна –
ты впервые в своей жизни
влюблена...

НА ЗАКАТЕ

Ветер ночным сачком
тянет семейство туч,
небо большим зрачком
ловит последний луч.

Темную плоть реки
режет с трудом баркас:
поздние рыбаки
к дому спешат.
Анфас
кромки береговой
глазом не уловим;
плещет обской прибой –
слышится серафим...

ВРЕМЯ

Пусто в маленькой квартире,
только слышен капель звук.
В заболтавшемся эфире
слушать время недосуг.

На незримой паутине
то корявы, то легки
разместились посредине
мои мысли и стихи.

Время – ткач прилежный самый,
не упустит ничего.
Без потуг саморекламы
он расскажет, для чего

я зимой грущу о лете,
для чего открыта дверь,
почему нельзя на свете
жить без боли и потерь...

Если рвётся паутинка
на ветру иль под дождём,
в звуках старенькой пластинки
мы погоды ясной ждём.

* * *

В ненастное утро
я сердце твое отопрею,
сквозь облачный плен
вдруг лучом долгожданным прорвусь.
И в слякоть осеннюю,
погоду унылую
цветным листопадом
уйму набежавшую грусть.
Случайным листом
припаду я к любимым ладоням,
не слыша завистливых веток
немой пересуд.
И ветры бездомные –
бродяги бессонные –
за тысячи судеб
сквозь годы меня унесут...
Над заводью тихой
печаль моя бродит туманом,
то дождиком плачет,
то серою птицей кружит.
Твой голос растерянный,
твой голос обиженный
как дальнее эхо,
в груди замирая, дрожит...